

Анатолий
ПОДОЛЬСКИЙ

И сохрани, не отрекаясь

Стихотворения и баллады

Москва
«Российский писатель»
2012

УДК 82/89
ББК 84 (2 Рос = Рус)
П 44

Подольский А.А.

П 44 И сохрани, не отрекаясь: Стихотворения и баллады. М., «Российский писатель», 2012. 136 с.

В новом поэтическом сборнике поэта Анатолия Подольского представлены стихи-раздумья «о времени и о себе», поданные по-своему образно, выразительно.

В стихах – осмысление лирическим героем своего места в жизни, его диалог с равнодушным читателем; это – и поиск поэтом своего, «самовитого» слова.

И читателя привлекает эта искренность слова, слова емкого, полетного; привлекает его и многообразие в подаче стиха с его смысловыми и ритмо-мелодическими «особинками».

© Подольский А.А., 2012.
© «Российский писатель», 2012

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

*Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри...*

От Москвы, увиденной Пушкиным, уже давно почти ничего не осталось, но современный поэту образ её остаётся навеки нетленным, навеки для нас драгоценным. Точно так же и вся пушкинская эпоха остаётся непреходящей, а письмо Лариной Онегину для нас столь же значимо, как и собственные переживания.

Вот и поэт Анатолий Подольский значим для меня прежде всего потому, что он по-пушкински принадлежит тому времени и пространству, в котором ему выпало жить. Он — живая и предельно правдивая душа сегодняшней России, он радуется вот этому хрестоматийному русскому пейзажу:

*Искрит рябиною тропа,
Берез притихшая толпа,
Небесных туч нестройный ряд,
Озерной глади чудный взгляд...*

Он благодарен своим землякам за то, что удастся им сохранить свою родную речь во всех её красках:

*К вам приеду, обещаю,
Ни к чему давать зарок,
И опять, — уж точно знаю, —
Наш услышу говорок...*

Он и в поэзии был и остается сыном России, во всех ее свершениях и неустроенности. Потому-то он и скорбит, печалится, когда приметой нашего времени стала еще и вот эта картина очевидной разрухи:

*Закреты школа, ясли и больница,
В хозяйстве скотный двор пустой,
Нет пастуха на утренней зарнице,
Луг в тишине, наполненный росой...*

*Мы привыкли употреблять такое понятие, как **лирический герой**, но, по сути, значимость лирического героя всегда зависит от значимости самого поэта как личности, как человека, способного не оставаться безучастным, способного отвечать на вызовы своего времени. Ведь правдивое лирическое слово требует от поэта не только мужества, а и высокой духовной сосредоточенности, трепетных чувств, в которых жар светлого, доброго, воплощен в извечных понятиях верности, любви, совести, чести:*

*Но остается с нами верность
И доброты лучистый взгляд.*

А верность всегда неизменная спутница любви. Это тонко, бережно чувствует автор. Его отношение к

женщине, к семье трепетно и вдохновенно; в любви ему видится сама сущность бытия:

*Пусть в каждый дом войдет весна,
Уютно станет в непогоду.
А рядом Женщина – судьба,
И в радость – прожитые годы.*

*И нельзя не согласиться со следующим утверждением
Анатолия Подольского:*

*Нельзя желать – не наслаждаясь,
Нельзя хотеть – не оценив,
Нельзя понять – не заблуждаясь,
Нельзя войти – не отворив.*

*Истинный поэт всегда глубже и шире того, что
может нам показаться его убеждением и его философией.*

Николай ДОРОШЕНКО,
*секретарь правления Союза писателей России,
директор издательства «Российский писатель»*

1. За березником в синей лазури

НИКОЛЬСКУ

Поменял своё обличье
На Увалах городок,
Стал другим и непривычным,
Только прежний говорок.

Как и раньше, прибаутки,
Говор северный, родной,
К вам приеду хоть на сутки,
Здесь народ славянский, свой.

Пусть теперь под радиолу
Не танцуем у реки,
Поменяли квас на колу,
Только говор, вопреки

Интернету, иномаркам,
Опустевшим деревням,
Близок так же всем товаркам,
Крестным, сватьям, кумовьям.

Я и сам не понарошку
Говорить могу на «о».
Нараспев сказать: лукошко,
Баско, знамо и гумно.

К вам приеду, обещаю,
Ни к чему давать зарок,
И опять, — уж точно знаю, —
Наш услышу говорок.

ДЯДЯ ПРОСКУРИЙ

За березником в синей лазури,
В свете жарком июльского дня
Сенокосничал дядя Проскурий,
Свой покос начиная от пня.

Этот пень люди «Лешим» прозвали
За его сатанинскую суть.
Ковыряли его, выжигали.
Не дряхлел он с годами ничуть.

А Проскурий старел с каждым годом.
Дети, внуки давно далеко,
Но привычно за речку он бродом
Переходит на пожню легко.

Здесь косили ватагой когда-то,
И на речке поили коней,
Жили дружно, хотя не богато,
Только ныне не видно людей.

Рядом лес, без тропинок, понурый,
А в деревне одни старики.
Звонко косит лишь дядя Проскурий
Там, где «Леший» стоит у реки.

МАМА У ОКОШКА

Мама у окошка
 Ждет меня домой,
Теребя немножко
 Полушалок свой.

Я уже не молод,
 Но всегда любя
И в жару и в холод
 Мама ждет меня.

Старенькая мама
 У окна поет:
Пусть домой упрямый
 Сын ее придет.

Только мне другую,
 Мама, песню спой.
В городах кочую,
 Непутевый твой.

И простые слоги
 Повтори опять,
Снова их в дороге
 Буду вспоминать.

Как к родному дому
Ехал молодец
И вели к другому
Деву под венец.

Нет конца той песне,
Но сюжет один:
Навсегда и вместе,
Не решишь один.

Утром у дороги
Колосится рожь,
Ты не без тревоги
Ангелов зовешь.

Дрогнувшей рукою
Перекрестишь в путь,
« Ты пиши порою, —
Скажешь, — не забудь»

«Ангел по дороге
Пусть тебя хранит», —
На родном пороге
Мама говорит.

Дом родной и мама
Будут снова ждать.
Я, такой упрямый,
К ним приду опять.

Мой сосед в деревне
Строит новый дом.
Про обычай древний
Знают все кругом.

Издrevле общиной
Помогали строиться,
А еще дружиной
Называли воинство.

На селе – невзгода,
Традиции уходят.
Реже год от года
Здесь дома возводят.

Реже ставят срубы,
Новоселья – реже,
Но дымятся трубы:
Хлеб печется свежий.

Хлеб дает деревня
Испокон веков,
Но растут деревья
Средь пашен и лугов.

Без войны разруха,
Песен не слышать.
А еще, – по слухам, –
Не кому пахать.

Собирали вече,
Если вдруг беда...
И верхи беспечны
Только до Суда.

У ЦЕРКВИ

У церкви смиренно на маму смотрю,
Старушка молиться пришла поутру.
Купол, увенчанный в свете небес,
К облаку смятому тянется крест.

В светлом платочке — подарок снохи,
Молится снова за чьи-то грехи,
Простить прегрешенья молит родным,
Живым и ушедшим, своим и чужим.

Образ, иконы, послушников хор.
Господу важен твой разговор.
Лики святые, пред ними моля,
Сама ты святая, мама моя.

СВАДЬБА

День кончается в срок,
В предвечерье осеннем,
И, не чувствуя ног,
Молодежь вся в веселье.

Тамада говорлива,
Что поймет и глухой.
Ну, а свадьба бурлила,
Листопадной порой.

В белом платье с фатой
Лучезарна невеста.
Стой мгновенье, постой
И прими без протеста.

Дочка замуж идет.
Ресторан весь сияет.
Почему же ледок
Все никак не растает?

Это лед у меня
На душе неподвластной,
А дорога двоих
Пусть не будет ненастной.

И не греет вино,
Не прельщают и тосты.
Эта жизнь — казино.
На зеро ставишь ты.

Стороною гроза
Проплыла тучей стылой
И скупая слеза,
На бокале застыла.

Ну, а чет иль нечет.
Ставка эта - на годы.
У дождей свой учет
Для капризной погоды.
2008 г.

Уходят дочери от нас,
Когда становятся взрослее,
И вспоминаешь сотни раз
С листвой опавшей на аллее:

Наш садик, школу, институт,
Уроки танцев и тусовки,
Но стало пусто все вокруг,
В прихожей ждут ее кроссовки.

Устроен мир таким до нас
И у него на это право:
Страницы детства стайкой в класс
Вошли и вышли в мир лукавый.

А сколько было дней других?
В заботах радостных и разных,
Моих тревог, побед твоих,
И всплеск шагов чудных и важных.

Я знак не ставил загодя
На перепутье: «Осторожно».
Ты улыбнулась, уходя
На свет огней Москвы тревожной.

Уходят дочери от нас,
Они становятся взрослее
И седина за разом раз,
Как одиночество светлеет.

ВО СНЕ И НАЯВУ

Мне снится вновь, что я летаю
Над хрупкой линией земли,
Где чередой лесов без края,
Холмов озябших цепь вдали.

В лазурном детстве просыпался -
Дань расставанья с высотой,
В полетах этих проникался
Цветов сияньем, их красой,

Что раскрывались лепестками
Под сенью плачущих берез.
Я трогал облака руками
С восторгом явным первых грез.

Чуть позже, но уже смелее,
Во сне парил еще не раз
Под сводом синим, птиц быстрее,
И все запреты – не указ.

Сказал отец: - «Растешь – летаешь»,
Твердила мама: «Всё пройдет,
Когда вдвоём полёт познаешь
Мечта без снов тебя найдёт».

Я жил, мечтал, терпел и верил
По грешной нашей шел земле,
Не робким шагом путь измерил,
Нашел огонь в кромешной мгле.

Удел для нас — дела земные,
Здесь несвободен человек.
Ночных полетов позывные
Пуškai останутся навек.

В ПАРИЖЕ НЕПОГОДА

Мост через Сену.. мы – в Париже,
Автобус-люкс, с акцентом гид,
Улыбку Вашу рядом вижу
И город – сказку; славный вид!

Минуты эти не забудем:
К собору подошли Нотр Дам,
И с неба сразу без прелюдий
Сюрпризы преподносят нам:

Печальный Лувр, Ситэ, Бульвары,
И ливень-дождь - незванный гость.
Проказник милый, город старый,
Европы прежней - главный гвоздь.

Квартал Латинский. Непогода,
Нас заставляет отступить,
И в Мулен Руж, что снова в моде,
Идем шампанского испить.

Успеха символ – белый город,
Событий тень и след имен,
Изящен, стилин, вечно молод,
Искусства знак и дух времен.

Пусть ждут Венеция, Неаполь,
Мадрид роскошный, вечный Рим,
Мы помним эту свежесть капель
Средь наших русских снежных зим..

НИКОЛЬСКИЕ ДЕВЧОНКИ

Прелестные никольские девчонки
Добры, заботливы, нежны;
Француженки, полячки и эстонки,
Бесспорно, вам завидовать должны.

Я из Москвы, Парижа и Подольска,
Спешу вернуться к Юг-реке,
К девчонкам милым города Николяска
Проездом часто, налегке.

Быть может, лучшие невесты,
Хоть темы эти, ой, сложны.
Поставить можете на место –
Как прежде, юные княжны.

Порой вечерней – сердцу сладость,
По Красной улице пройдуь,
Увалам Северным на радость,
Девчонкам встречным улыбнуь.

Круг снова. Снова круг за кругом.
То вверх стрелой, то камнем вниз.
Бегом и с недругом, и с другом:
Перста небесного каприз.

А время минусы рисует,
Разбег короткий для прыжков,
За траекторию косую
Вперед толкая чудачков.

С надеждой скрытой поднимаясь,
Как Ванька-встанька: на ногах,
Перед судьбой не прогибаясь,
Опять в забеге — не в бегах.

Легко катиться по наклонной,
Но снова без страховки вверх,
И по дистанции условной,
Где радость, слёзы, смех и грех.

Но только годы не условно
В пути сгорают без следа,
В движенье вновь и вновь проворно
Торопит время. Но куда?

Своя у каждого кривая,
И свой у каждого маршрут.
Нельзя идти, не отдавая;
В конце пути — Небесный суд.

ПАСХА

В пасхальный день светло всегда,
На небе солнце в круге красном.
И чередой идут года,
Но в этот день - без туч, и ясно.

В любой другой погода начудит,
Дождем зальет без промедленья,
Иль снегом, или градом удивит,
К проказам у нее стремленье.

Ей календарь ни к месту, ни к чему,
Сверяться с ним ей нет причины.
И было так, и будет посему,
Свои капризы дарит без кручины.

Лишь в день один — без выбора она,
И этот день всегда пригожий,
Когда сиянием полна,
Чудесный знак даёт похоже.

Природа ошалела от жары.
Погода бьет рекорды чередою,
Но не извне нам чуждые миры
Грозят из космоса войною.

Планете нашей грозен человек,
Его плоды, его влиянье.
За годом год, за веком век
На колесо льют увяданья.

Потомкам здесь держать ответ.
Десятый год – предупрежденье.
Чтоб сохранился белый свет,
Простое нужно просвещенье.

Понять нам следует одно:
Такая хрупкость – суть в природе,
И все вокруг, что нам дано,
Хранить навечно, радуясь погоде.

БАБЬЕ ЛЕТО

Обольстило меня бабье лето,
Распахнулось вечерней порой.
Возвращаюсь домой на рассвете,
Увлечённый без меры игрой.

А игра без конца и без правил,
Каждый волен играть или нет.
Слишком много я на кон поставил
На манящий, неистовый свет.

Этот свет чередуется с тенью,
А еще покрывается тьмой,
И от женского чудо-веленья
Становлюсь наяву сатаной.

И холодное летнее небо
Смотрит ангельским взглядом, искрясь,
На сентябрьскую быль или небыль,
Дней осенних немного боясь.

ЗВЕЗДЫ И ЛЮДИ

Перепутали звезды пространство и время,
И сошлись во вселенной дороги двоих,
Ускоряется бег – неизбежное бремя,
Лабиринт искушений – подарок от них.

Перепутье случайное, может Всевышний,
Ниспослал нам загадку – небесный каприз,
Эпизод для тебя, может быть, даже лишний,
Но нельзя не принять небесспорный сюрприз.

Судьбы мчатся, ведомые звездами где-то,
Перекрестки и встречи тебя еще ждут.
Ты забудешь, быть может, стихи и поэта,
И другие кумиры с собой позовут.

Далеко облака уплывут в белоснежье,
В измеренье другом мне стоять на краю,
Сохранию образ твой, перейдя безнадежье,
В этом мире потерь я тебя сохранию.

ПИРАМИДА

Внук меня позвал во двор.
Любят дети с давних пор
Играть в снежки и строить горки,
И я пошёл без отговорок...

Строить будем – пирамиду,
Без бетона и карбида.
Начинаем здесь, сейчас,
Перерывы – через час.

Сделать просто только с виду,
Но из снега пирамиду
Лепим с Лёшей мы упорно:
Он проворно, я покорно.

Не узнать сегодня двор.
И соседи, не в укор,
Изумлённые твореньем,
Не скрывают восхищенья.

Но, Алеша после чая,
Возраженья исключая,
Объявил: «Теперь нужна
Нам Китайская стена...»

17.01.2010 г.

* * *

Золотистый край рассвета
Утром взглядом к нам спешит.
Краски звук – весны примета,
Майской свежестью шуршит.

Ты приди ко мне однажды,
Вдохновенье призови,
Что бы шел я с ним отважно,
Чтоб творил, благослови.

И природа неуёмно
(Утром – зорькой, днем – грозой)
Подтвердит: должна быть стойкость
В чистой хрупкости такой.

ВЕСНА

Весною чувствую приливы
И вдохновения и сил.
В душе забытые мотивы
Пьянящий воздух воскресил.

Природа юность возвращает
На берегу разлившейся реки.
Последний снег кружится, тает,
И чуден взмах твоей руки.

Вершины сосен заискрились,
Омыл их зорьки алый свет,
Рисунком облака прикрылись,
В глазах твоих оставив след.

АПРЕЛЬ

Апрель, капризами измучив,
Отбросил зиму за плетень.
Проталин свежестью, излучин,
Кроит поля весенний день.

Ручьи стремительно шумливы,
Свободна речка от оков.
Ее задор, ее разливы
Луга и небо примут вновь.

Природа будто в иступленье:
Грез пробуждения набег,
Палитры красок возвращенье,
Незабываемых вовек.

ИЮЛЬ

Вновь июль опьяняет
Каруселью желаний,
И в зените теряет
Откровенье признаний.

И пленит исступленье,
Восхищенного лета;
Дарит стрелы влеченья
С неуёмностью света.

АВГУСТ

Месяц август – уходящий.
Все вернется чередой.
Будет осень морозящей,
Будет холодно зимой.

Но дождь не вечен - перестанет,
Он эстафету инею протянет.
Остепенится не пора?:
Уходит лето со двора.

ОСЕНЬ

С погодой спорить просто лень.
И люди в дивном изумленье:
Меняются осадки каждый день,
Земля и небо в исступленье.

Упрямо балом правит осень,
И золотой ее не назовешь.
До декабря всего дней восемь.
Зима! Когда же ты придешь?

* * *

Закат купает неба нить.
Не хмель мне голову туманит.
Ночной звезде росинкой плыть,
И приближенье чуда манит.

Пусть грязь и слякоть на дворе,
Пора простить уж непогоду,
На оглянувшейся заре
Бросаю убежденья в воду.

Сменяясь, вплавь, уходят сны,
Чаруя, бездна захватила
И чистой нежностью весны
Осенний день заполонила.

На дворе без снега стужа, –
Как без снега в декабре?
Зимний снег нам очень нужен
Как примета - жить в добре.

Нас пугают потепленьем,
Наводнением грозят,
А с экрана с умиленьем
Вновь синоптики гласят.

Но прогнозы-предсказанья
Не сбываются у них,
И пустые толкованья,
Как без гладкой рифмы стих.

ЗИМНЯЯ ДЕРЕВНЯ

В зимний воздух окунулся,
Вышел просто подышать,
В полушубок запахнулся,
Чтоб морозу помешать.

Он пытается без спроса,
Снизу, сверху и в обхват
Проморозить всё до носа,
Но ему я очень рад.

Прогуляюсь по деревне,
Принесу в избу воды,
Поколю дрова в поленья,
Вот и все мои труды.

Мать попотчует блинами,
А к обеду щи сварит,
Угощает пирогами,
-Редко ездешь,- говорит.

Вот смеркается - и в баню,
Паром душу отведу.
Принимать сто грамм не стану,
А с малиной чай попью.

Деревенский зимний вечер:
Печка, кошка и луна,
Хоть мороз трещит крещенский,
Все равно мне не до сна.

Я уеду спозаранку,
Деревенька жди меня,
А блины, мороз и банька —
Это родина моя.

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Пишет мама моя из деревни:
— Приезжай поскорее, сынок,
Даже сон мне приснился намедни,
Что метаем мы сено на стог.

Я сама уж сейчас не смогаю
И косить не хожу на лугу,
Только дни и недели считаю,
Всё дожждаться, боюсь, не смогу.

Надо крышу у бани поправить,
У ворот заменить бы столбы,
А письмо помогает отправить
Мне соседка из крайней избы.

Я на Пасху ждала вас семьею,
А теперь уже скоро Покров.
Обещал еще прошлой весной
Привезти председатель мне дров.

А сама — ничего, не хвораю.
Все сходить не могу на погост.
И от печки теперь угораю...
А за речку нам делают мост.

Я решителен очень порою,
И поеду в родные края.
Починю, привезу и покрою,
Посижу за столом у тебя.

Ты прости, что я снова уеду.
Все не едешь ты в город со мной,
И береза у нашего дома
Шелестит, ожидая, листвою.

ОЖИДАНИЕ

На дворе непогода и вечер.
Ни звонка, ни письма, ни шагов.
Унесенный годами далече,
Я сегодня тобой не здоров.

Где-то там, за Увалами, осень
Разбросает листву чехардой.
Подвенечная статность у сосен
Дождевою омыта водой.

НА ОЗЕРЕ КАРАСЬ

Искрит рябиною тропа,
Берез притихшая толпа,
Небесных туч нестройный ряд,
Озерной глади чудный взгляд.

Здесь тишина, покой, уют
И птицы гнезда рядом вьют.
Природа дарит, отдает
И чистотой своей влечет.

Пустынный пляж, жужжит оса,
И мягкий свет несет роса,
Беседка, двое и забор...
И это все — «Сосновый бор».

АРГАМАЧ

Дорога, лес — и сплошь ухабы.
Здесь иномарка не пройдет,
Нам на уазике хотя бы
Добраться в тихий закуток.

Ручей холодный брызги дарит,
Бобры на заводах шуршат,
Трава нетронутая манит,
И воскресает вновь душа.

Не видно здесь церквей, ограды,
На пристани причалов нет,
И той купеческой бравады
Во времени утерян след.

Давно здесь свадеб не играли,
Не слышно голосов детей,
Дома где добрые стояли,
Растет и буйствует репей.

Здесь царство девственной природы,
И счастье — просто так дышать.
Просить не нужно у погоды,
И на неё зачем пенять.

Проходят страсти где-то мимо,
Где маета и суета
В деревне тихой – просто, мило.
В глазах старушек – теплота.

Дела, заботы, нет просвета,
Не видно полосы удач,
Но позвоню тебе с рассветом:
«Поедем завтра в Аргамач.»

КАБЛУЧКИ

На мокром асфальте
апрельский пейзаж.
Стучишь каблучками -
и веером плащ.

Глаза на распашку -
на шее платок,
И день, растворяясь,
закончил виток.

Уютный твой город,
он скоро заснет,
И радугой красок
на утро блеснет.

И вновь по асфальту
стучат каблучки,
Размашисто небо -
и солнца пучки.

Дела и заботы
с тобою спешат,
Не звезды, а люди
проблемы решат.

Прислушайся, город:
как сердца толчки
(Поверь - это важно),
стучат каблучки.

ДОЧЕРИ МОЕЙ

Ты пригласи на танец, дочка,
Пока совсем не поседел,
Скажи отцу: «Еще не точка!» —
Хотя я, в общем, не у дел.

Пусть танец будет мне наградой
За путь тернистый, непростой.
И мне единственной отрадой
Послужит смех задорный твой.

И танцем этим возродится
Души спасительная нить,
Как чудный миг, который снится,
Далек мой берег — не доплыть.

Я доверял тебе невзгоды,
Идеи, тайны и печаль.
Как кони, вскачь умчались годы,
И свет надежд уходит вдаль.

Так пусть же музыка оркестра —
Как сердца радостный мотив.
А ты нарядна и прелестна,
И молод я, в порядке, жив.

ОДНОКУРСНИЦАМ

Однокурсницы самые милые,
Время тенью промчалось вам вслед,
Эпиграммы писал вам шуточные,
Получая записки в ответ.

А на фото цветы незабудки,
В стройотряде в конце сентября,
Пролетали недели за сутки,
И не спали почти до утра.

В парке летнем свиданья безгрешные,
Чистота ваших искренних глаз,
Смех и слёзы тогда безутешные
И родителей строгих наказ.

Эти годы такие беспечные,
Они лучшее время для нас,
Познавали вы истины вечные
И смеялись от наших проказ.

Все давно уже дамы замужние,
Без затей говорю, без прикрас,
Вы поверьте, такие мне нужные,
Я не стал бы поэтом без вас.

МУЗЕ ВЯЧЕСЛАВОВНЕ БЕРЕСНЕВОЙ

В глубинке России, в Никольске родном
Живет-поживает в доме одном
Статная женщина — искренний взгляд,
Поставленный голос и стильный наряд.

Наставник, учитель и наш краевед,
Рубцова и Яшина помнит завет:
Земля вологодская — наша земля,
Русского Севера эти поля.

Идею подарит, поправит всегда,
Для путника в жизни тепло и звезда.
Традиции прошлого нужно хранить
Новое слово — тонкая нить.

А если пожурит - слегка и любя,
Настроит на музу, как скрипку, тебя,
Рождаются рифмы никольским дождем,
Под сенью Увалов, северным днем.

В словесности русской образов много.
Малую родину славим мы слогом.
В усадьбе обычной, цветы где и сад,
Ценится слово выше наград.

В лагере детском по чистым дорожкам
Взрослые чинно в субботу идут.
В летних нарядах и босоножках
Мама шагают – дети их ждут.

Папы машины паркуют и тоже,
С кучей гостинцев к отряду скорей,
В день для родителей в лагерь, похоже,
Съехалось много разных людей.

Праздник веселый, нашествие близких,
Только девчушка одна в стороне,
Слез не скрывая, на лавочке низкой
Плачет и держит мобильник в руке.

Детские губы дрожат, повторяя:
«Мама, приедь... обещала... я жду.
Здесь мы с тобой посидим, погуляем,
Я все тропинки тебе покажу».

Мама в ответ: «Не могу, дорогая,
Ты не сердись, погуляешь одна.
Будет неделя свободней другая,
Вот и приеду, может, тогда.

Девочка плачет, но снова и снова
Просит приехать маму опять.
Мама, похоже, совсем не готова
Детское сердце понять и принять.

Детские слезы привычны, и летом
Вечером дождик с небес окропит.
Только зачем-то девочка эта
Снова одна на скамейке сидит.

* * *

Скажи земляк, в деревне как живется?
Давно соскучился, поверь.
За косогором речка лентой вьется,
Привычно в доме скрипнет дверь.

Дождями август улицы утюжит.
Грибов в лесу — им нет числа,
Грачи у церкви так же кружат,
Мальчишки в лодке, без весла.

Из суеты обыденной прорваться,
К родне приехать, маму повидать,
С дружкой опять по полной оторваться,
И просто чище сразу стать.

У ЮЖНОГО МОРЯ

Тихий вечер праздной Ялты,
Луна качается в волне.
Шептанье моря, шорох гальки,
Звезды мерцанье в вышине.

Скалистый берег безмятежен,
Ай Петри дремлет вдалеке,
И кипарис изысканно изнежен
Стремится к пальме налегке.

Как миф ласкающей природы -
Где виноград, беспечность, рай.
Не зря же древние народы
Всегда стремились в этот край.

* * *

Мы сами выбираем роли,
Сценарий только не кино,
Нам, улыбаясь не без боли,
Играть заведомо дано.

Не верим, в верности клянемся,
Стремимся к цели, отдаем,
Теряем, топчем, отвернемся,
Долги прощенные вернем.

Вся жизнь - одно большое шоу,
На выбор масок целый ряд,
И в блеске эпизода, клоун,
Из закулисья принимаешь взгляд.

Как трагик, фраз переплетением,
Слезой комедию вернешь.
Придет пора – уйдешь в забвенье,
Несыгранные пьесы заберешь.

Слова—намеки с упоением
Легко массовке раздаем,
И всплеск надежд без сожаленья
В антракте все же разобьем.

Но где антракты этой драмы?
Меняешь лица чередой.
И поцелуй прекрасной дамы,
Как шаг, не сделанный тобой.

На блеск зеркал ложатся тени.
Усталость музыкантов ждет.
И дама в чёрном на колени
К тебе присядет и прильнет.

И часто занавес не к месту
Торопит кто—то опускать,
Но в белом, юную невесту
Веду на сцену — вновь играть.

MAME

Давно покинут отчий дом,
Я в круговерти дел сгораю,
Но к сердцу подступает ком,
Едва к деревне подъезжаю.

Спокойно здесь, в деревне, у тебя.
Ворчишь, похоже, лишь на деда,
И обо всех, жалея и любя,
Поведаешь в беседе.

Встречать выходишь каждый раз
И провожаешь до порога,
Слезу смахнувши с добрых глаз,
Перекрестишь меня в дорогу.

Попросишь только: напиши,
Передавай поклон жене и детям,
А я в ответ лишь: не грусти,
Наверно, мы приедем летом.

Но редко телеграммы шлем,
Поздравить часто забывая,
Своею жизнью мы живем,
А ты нас ждешь, часы считая.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ОТЦА

В тихом доме своем,
Ладно слаженном, чистом,
Умирал мой отец,
Собираясь не близко.

-Телеграммой детей
Вызывайте к живому.
Пусть приедут скорей
Поспешают до дому.

Он позвал нашу мать —
С нею вместе — полвека, —
Не велел ей рыдать:
— Не дождался я лета.

Он по совести жил,
Не в достатке, но в чести.
И родных попросил:
— Соберитесь все вместе.

Он покой не искал
И с рассвета — на поле.
Целину поднимал
И рыбачил на море.

В заполярную мглу
Уходил с караваном,
Воевал за страну
В океане туманном.

Он вернулся с войны
На Никольскую землю,
Но военные сны,
Как похмельное зелье.

Он слезу не скрывал
В День Победы отныне,
И стакан поднимал
За погибших в пучине.

Он детей воспитал,
Дом уютный построил,
Старость здесь повстречал
Хлебопашец и воин.

Он наказов не дал,
Никаких завещаний.
— Вот и отжил, — сказал
И ушел без роптаний.

АНГЕЛ МОЙ, ХРАНИТЕЛЬ

Где свет – мой ангел и хранитель –
Устал оберегать от бед?
Бессменно верный покровитель,
Ты рядом был немало лет.

Вернись, Архангел, окрыленный,
Оставь небесные дела,
И в нашей жизни неумной
Излечишь души и тела.

Как много глупости и злости,
Неверья душит череда!
Идем с расчетом даже в гости,
А дружим так почти всегда.

Устал шагать я без пригляда,
Черствую сам уже порой.
Ненастье впереди, преграда...
Преодолею – но с тобой.

2. Зорь вечерних — сны росы

У КАМИНА

День зимний в сумерках неспешно
Врасплох растаял, предвкушая ночь,
И неизбежностью потешный,
Ушел звездой достойно прочь.

Камин, два кресла и бокалы,
Что греют легкостью вина...
Твой взгляд, настойчиво—усталый,
И в белом кружеве луна,

Что за окном куда-то манит,
Собой украсив небосклон,
Она обманывать не станет:
И будет явью вещей сон.

СУББОТНИЙ ВЕЧЕР

В саду площадка ресторана,
Где свежесть лета, вкус вина,
Улыбки мягкость, легкость стана,
Туман на соснах и луна.

Звучали музыки мотивы.
Истомой вечер увядал.
С тобою, пагубно красивой,
Под ритмы вальса танцевал.

Забытой робостью согрела.
Пусть танец будет до утра.
Синица в поле что-то пела,
Но ты шепнула: «Мне пора».

В субботний вечер, в час заката,
Я снова здесь, но я не жду.
Плывут по небу облака куда-то
С туманом сизым на пруду.

Вновь не разжечь костёр потухший:
Его снегами занесло.
Ответа ждёт вопрос насущный:
Зачем без лодки нам весло?

Какая власть в словах напевных?
Грусть для поэта – ремесло.
А фраз набор, пустых и гневных,
Метелью скорой унесло.

Любовь в стихах всегда красива,
Но ты стихи не упрекай,
Капризна муза и игрива,
Декабрь холодный сменит май.

Из мира ученого дама
И сан свой, престижный вполне,
Несет сквозь рутину упрямо,
В науке она — на коне.

Пусть гранды твои и успехи
Коллегам покой не дают,
Расставлены загодя вежи,
Тебе дифирамбы поют.

А что до меня, так другое,
В душе беспокоит теперь:
Уже не оставят в покое
Глаза, что искрятся, поверь.

Поверь и рискни заблудиться
От грешного вкуса страстей,
Чарующей влагой напиться
Во власти незримых сетей.

Открытья, познанием весомы,
Приходят в науке чредой,
К источникам грез и истома
Тебя увлекаю игрой.

Игрой, что желанностью вечна,
Без точности формул твоих,
Без правил и явно беспечна,
Игрой что всегда для двоих.

Ты так смела, неоднозначна,
Но так послушна и мила;
Сложилось, вроде, всё удачно:
Кого хотела – увела.

Тебя все осуждали дружно,
А я завидовал ему,
Мне даже каяться не нужно:
Порочных мыслей был в плену.

Стремилась ты, утрат не зная,
На зов страстей, порок испить;
Где расступались врата рая,
Чтоб окунуться и уплыть.

И ты плыви, пусть не со мною,
Ты в этом смысле – чемпион.
Я приз ещё возьму с другою,
Который был тебе вручен.

Строгий шарм и талия-тростинка,
Ангел предсказал тебя во сне:
Холодом заряженная льдинка
Не растает плавно по весне?

Томный взгляд ложится зябко,
Тень улыбки спрятана в губах,
Я вдыхаю вслед украдкой
От духов манящий взмах.

Отменить устои невозможно:
У эмоций свой сонцеворот,
Таять, в общем-то, не сложно,
Если поворот не от ворот.

Не жди уместных фраз, признаний
Красивых жестов и похвал,
Хватает прошлого познаний,
Где свой чудил «Девятый вал».

Прости, что мрачен беспричинно,
Не к месту часто я такой,
Что посещает час кручинный,
И принц, конечно, я не твой.

Не жди романтики свиданий,
Томленья лёгкого волны,
Испит бокал моих скитаний,
Оставь свои желанья-сны.

Пороков груз давно измерен,
Я их примерил на себе,
Законам страсти был я верен
В своей изменчивой судьбе.

Не жди слов клятвенных, но лживых,
Не может клятва вечной быть.
В любом формате смысл заклатья —
Тебя в объятья заключить.

* * *

Благодари любовь, когда, прощаясь,
Она уходит в никуда.
И сохрани, не отрекаясь,
От злого глаза и суда.

Нельзя начать уже сначала,
Вернуть назад не искушай.
Ей тесно только у причала,
Её нестойкость ей прощай.

Не упрекай за легкость и коварство,
Сдержи обиды жгучей речь.
Познай измену как лекарство
И горечь от потухших свеч.

Недель ушедших дни метаний,
Мгновений чувственных минут,
Томленья легкого свиданий
Твои упреки не вернут.

Прости нелепость обещаний.
Пусть без тебя продолжат пир,
Познав с приливами страданий,
Несовершенный этот мир.

* * *

Движеньем с музыкой сливаясь,
Собой творила танца звук,
Как Терпсихора, улыбаясь,
Изгибом тела, взмахом рук.

Секретов власти не скрывая,
Над восхищенной толпой,
Умела ты, на бис порхая,
Дарить себя и быть собой.

Открытость взгляда и признаний,
Рисунком танца покорив.
И свежесть прелести исканий –
Как всколыхающий мотив.

Нельзя желать – не наслаждаясь,
Нельзя хотеть – не оценив,
Нельзя понять – не заблуждаясь,
Нельзя войти – не отворив.

* * *

Были знак и пророчество:
Наяву — нелюбовь.
И в свое одиночество
Погружаешься вновь.

Задержись у барьера,
Что себе и воздвиг,
Где надежда и вера,
Разбиваются вмиг.

Сверх бокала налито
Красным цветом вино,
И дождями все смыто
Что нам было дано.

ВАЛЬС

В ресторанчике уютном
Музыка и смех,
Час забвенья смутный,
И не выпить — грех.

В полусвете тени,
Но красавец вальс:
Этот час изменит
Как забытый шанс.

И не диско-пляска,
Где попса и крик,
А войдёт, как сказка,
Этот чудный миг.

И в ночи весною
Льется вальса звук,
Я его, не скрою,
Пью из ваших рук.

ОБИДА

Обида девушки истошна —
Слова жестокости полны,
Платочек мнется суматошно,
Как свет берестяной луны.

Бессилен взмах ресниц неловкий,
Вконец испорчен макияж,
И плачешь ты без остановки —
Любви закончился вояж.

Он не придет с лучом рассвета.
Не стоит дум в ночи и слез,
Такая есть давно примета —
Весна полна девичьих грез.

* * *

В безлюдье холодов наплывших
Тебя я выдумал безгрешной,
От всех и вся собой укрывший
Каприз дождинки неутешной.

Слепая вера и наивность!
Границ не знает страсти бред,
Тумана мнимого активность,
Зари потухшей бледный след.

Привычной песней, чудно-льстивой,
Другого будешь убаживать,
Накрыв легендою красивой,
Чтоб так же снова потерять.

ОБМАН

Обман – разбросанные камни,
Обман – свернувшийся простор,
Обман – закрывшиеся ставни,
Обман – затоптанный костер.

Обман – предательства истоки,
Обман – зачеркнутый пейзаж,
Обман – жестокости уроки,
Обман – бездушия кураж.

Обман – прелюдия разлуки,
Обман – замкнут порочный круг,
Обман – разомкнутые руки,
Обман – крушенья первый стук.

Обман – познания исчадья,
Обман – рассыпанная соль,
Обман – рождение страданья,
Обман – сметающая боль.

* * *

Я тебя обожал, я тебя ублажал
И желал беспробудно, без меры.
Я тебя обольщал, не искать обещал,
Уходил, возвращался без веры.

Я терпел и просил, закусив удела,
Испытал безмятежье и вьюгу.
И готов был с тобой уходить в никуда,
И бежал отрешенно по кругу.

Я тебя сохранял, я надежду вселял,
Обижал, не прощал, признавался.
И скандалы терпел, от мгновений чумел,
Прогонял, догонял... не остался.

И в бокале вино разбавляю слезой,
За прощание тост поднимаю.
И обиды твои за густой пеленой
Заклинаньем, без слов, принимаю.

* * *

Угораздило влюбиться,
Но боясь услышать «нет»,
Остается лишь открыться —
Мудрых классиков совет.

И когда со мною рядом,
Расторопна и мила,
Открываешь бездну взглядом,
Понимаю — увела.

Увела, непонарошку,
Повела, забрав с собой,
Улыбаясь на дорожке,
Где оставлен мой покой.

* * *

Не дарил я тебе слов-признаний,
И боялась ты слова «любовь»,
Только мне не отречься, я знаю,
От неясных и путаных снов.

И чудили манящим изгибом
Руки, губы и радуга слов.
Это вечность, открытая мигом,
Подношенье небесных даров.

И, наверно, не будем мы вместе,
Только тело слабее души.
Наши ласки – прелюдия к песне,
Но слова ты ее не ищи.

* * *

Я тебя рисовал в светло-ярких тонах,
В этих снах, но без сна, не испытывал страх,
К полотну допускал только нежные краски,
Сотворял этот миф, как принцессу из сказки.

Я считал уже дни — завершение скоро,
И цветов заказал к окончанию ворох,
С чистых капелек их я вбирал вдохновенье,
И считал это все уникальным твореньем.

Полутонный пейзаж я добавил к портрету
И приблизил его даже к лунному свету.
Неземной аромат я вдыхал как признание,
И казался этюд от небес указаньем.

Не забыл передать чистоту и желанье,
Обаянья венец и сердечных метаний.
Было то — как завет не без веры исканья,
Это было моим для тебя покаяньем.

* * *

Роман случайный. Знаю, знаю,
Они как были, будут, есть.
Удивлена? Но я скучаю,
И ни к чему сегодня лесть.

Мне те минуты разбудили
Уснувший сладостный мотив,
Но в миг заоблачно уплыли
Улыбка Ваша, ветка слив,

Рябины гроздь и власть порыва,
Невинность страсти и укор.
Безмерность ночи, нервы срыва,
Открытость чуда, неги спор.

Мы в мире часто одиноки,
Не позвонить и не зайти,
Но встреч двоих наступят сроки,
Нам друг от друга не уйти.

РАССТАВАНЬЕ

Как тихо. Были водопады.
Иссяк беспечности ручей.
Не будет света от лампы,
Тепла и бликов от свечей.

Остыла страсть, уходит чувство,
И ошущенья сказки нет.
Просторно было - стало пусто,
Едва исчез манящий свет.

Что жизнь без трепета и страсти,
Когда не нужно больше ждать?!
Вернуть меня не в Вашей власти,
Но в Вашей власти не позвать.

* * *

Мы оба притворяемся, что любим.
Хотя любовь заведомо ушла.
Казним её и ложно судим,
И где она пристанище нашла?

Мы лупцевали ссорами без меры,
Мы ей кричали сходу и в глаза.
Но ей, увы, совсем нельзя без веры,
И смоем след ее весной гроза.

Теперь – зима и продолжает править
Сугробов северных простор,
Но нам уже нельзя лукавить,
И править ложью до сих пор.

Я улыбнусь. Рукою на прощанье
Взмахнешь без грусти и забот.
И воцарится в сумерках молчанье:
Восславить музыку без нот.

* * *

Навсегда мы расстаться не можем,
Реки чувств повернувши вспять,
И набор наших встреч не итожим,
Ты вернешься ко мне опять.

Ты вернешься, немного другая,
Соблюдая законы любви.
Лишь глазами меня заклиная:
Водопады ночей впереди.

И опять, пережив воскрешенье,
Наслаждаться тобою, храня,
Я готов, но в твоём отраженье
Нахожу полумрак среди дня.

* * *

«Все пройдет»... Известно это,
Соломон еще изрек.
День другой, другое лето...
Но влюбленным невдомек.

Вновь и вновь одни страдания
Беспричинны, может быть;
Только в сказках и преданьях
Может сердце не остыть.

Ну, а в жизни, очень часто
Мы теряем, уходя.
Даже звезды не причастны —
Ночь обходится без дня.

* * *

Убивали любовь, убивали в четыре руки,
Заточив в подземелье, готовили к пытке.
Черный призрак - легенда Святого Луки
Не согрела фиалку на мраморной плитке.

Палачей не молила, сказать ничего не могла.
Без молитвы уходят нависшие страхи,
Но сжималось пространство изгибом угла,
И в полумраке свет отражался от плахи.

И не дрогнет рука, по утру открывая засов,
Но готовились зря, топоры приносили.
Не удержит любовь сталь тяжелых оков.
Ну а в смерти ее никого не винули.

Умерла иль живет, неизвестно обоим теперь.
И холодных пустот в душах наших не мерить.
Нет рассвета в ночи, полупризрачна дверь.
Не понять, не познать, не поверить.

НЕПРИЗНАНИЕ

Элитный бар и хмель напитка,
Непринужденный разговор...
Ты полиглотка, эрудитка
Владеешь музой терпсихор.

Высокий стиль и мера вкуса,
Легки манеры и к лицу,
Без перевода Жана Дюша
И с переводом Яна Чжу.

Мы говорим о Пауло Коэльо,
В бокалах наших – шардане,
Но как не в тему и отдельно
Признаться хочется тебе.

Я просто сжал бы эти руки,
Смотря в глаза... Но промолчал,
И о признательных желаньях
Я так тебе и не сказал.

* * *

Я вернул, что уже уходило,
Я простил, что нельзя прощать,
И скользило по небу светило,
Не желая об этом знать.

Не вернуть нам уже начало,
Родников наших первых встреч.
Слов пустых прозвучит немало,
И появится в лодке течь.

Ты вернулась, но только другая.
Я решился, но только один.
И луна по ночам, не моргая,
Серебро добавляет седин.

Не узнать, почему ты осталась,
Не понять, почему я простил.
А звезда со звездой шепталась:
— Он, наверно, уже отлюбил.

ВСТРЕЧАЯ НОВЫЙ ВЕК

Беспечной аурой летящей
Ты окружаешь вновь меня.
Безумства неги — миг манящий,
Бокалы встретились звеня.

Бессвязны речи, чувства - вихри,
И страстной нежности бросок.
Во власти безрассудной мысли,
С букета счастья рвем цветок.

Судьбу рисуют маги и пророки,
Столетий стык народы ждут.
Все поменяется, но не любви уроки,
Бальзам отрад которые дают.

Проблемы, хаос, беды чередую —
Все видел уходящий век.
Идя во времени тысячелетнею волною,
Влюбленным остается человек.

ПЕСЕНКА ДИ-ДЖЕЯ

Блики света все мощней,
Вечер ритма, пульс огней,
Танца штурман — я ди-джей
Лучший в городе — о'кей!

Суперзвук — девятый вал —
Накрывает плотно зал:
Он поднимет настроенье,
Приведет зануд в смятенье.

Ну а публика — улет.
Ночь готова напролет
Потусить и танцевать,
Ей на время наплевать.

Будет завтра и сегодня.
Я не сваха и не сводня.
Здесь знакомятся и дружат,
Ни о чем другом не тужат.

Не колдун и не злодей -
Популярный я ди-джей.
А народ стремится в клуб.
Заправляю всем я тут.

Только точит мысль одна:
Не пришла опять она.
Каждый вечер в ожиданье,
Без вины мне наказанье.

Может быть, когда-нибудь
Тихо скажет: «Не забудь,
Милый, танцы и кураж —
Это в общем-то пассаж.

Мне же хочется с тобой
Прогуляться под луной
В парке старом на пруду:
Ты скажи и я приду».

Но опять компьютер мой
Выдает наперебой
Ретро, диско, рок и твист.
Я ударник и басист.

И кружусь как заводной,
Парень в общем-то простой.
Танца штурман — я ди-джей,
Лучший в городе — о'кей!

ЖЕНЩИНА - СУДЬБА

Среди галактик и миров
С эпохи мирозданья
Есть столп незыбленных основ:
Желанье противостоянья.

Желаем мы повелевать,
Но чаще — вам повиноваться,
Искать, увидеть, удержать
И уходить, чтоб оставаться.

Разлуку, счастье и любовь
Вы нам в награду отдаете.
А кто познал, захочет вновь
Парить и плыть, вдвоем в полете.

Пусть в каждый дом войдет весна,
Уютно станет в непогоду,
А рядом Женщина-судьба
И в радость — прожитые годы.

* * *

Я вернулся живой
 не с войны, не с тюрьмы,
Я вернулся живой
 с зазеркалья.
Безнадежность познал
 и безжалостность тьмы,
И оставил бесплодность
 исканья.

И плывут облака
 в серебристом цвету,
И листва оживает
 весною.
Я родился опять
 Что бы вам рассказать:
Не бывает возврата
 порою.

* * *

Чисты, как снег, все Ваши чувства,
Святой наивности цветок.
И образ Ваш — как миг искусства,
Лучистой свежести глоток.

Мне в себе не дано разобраться...
Отрешенность, сомненья, печаль.
Не уйти, не принять, не остаться,
Только манит дорогою даль.

Может, шаг или два до разлуки;
Суета ежедневно, дела.
Я согрел бы озябшие руки,
Но судьба далеко увела.

В моих глазах — одна усталость,
В твоих глазах — один обман.
Немного нам совсем осталось,
И пылких встреч исчез дурман.

Нелепость слов и оправданий,
Обид, капризов, вечных ссор...
Без смысла робких нареканий —
Любви растоптанной укор.

* * *

Мой путь в исканьях и метаньях.
Сколь долго мне еще плутать?
Ответа нету в предсказаньях,
Но жду тебя – усталость снять.

Наивной юности порою,
Когда все помыслы чисты,
Я грезил по ночам тобою,
Но где-то задержалась ты.

И годы шли. Разлуки, встречи...
Так много видел, потерял!
Не опуская в бурю плечи
Я плыл, надеялся и ждал.

Мой парус виден в океане,
Он в штиле, ярок, одинок.
Приди при солнце и тумане
В ненастье свет, и боль, и бог.

* * *

Где-то близко, просто рядом
Зорь вечерних — сны росы.
Подари мне чистым взглядом
...Ожидание весны.

Расширяет бесконечность
Миг желаний как полёт.
Искушение навечно
Птица Феникс нам несёт.

* * *

В этот день, такой обычный,
Необычно всё должно,
Даже солнце непривычно
Раньше времени взошло.

Блики нежности подарит
Тень от облака вдали.
Необузданностью манит
Непредсказанность любви.

* * *

Утонул я в глазах с поволокой
И готов был с тобой на побег.
Ленту нашей дороги далекой
Припорашивал осени снег.

Уходили, рассеясь, печали.
Изощрялся ноябрь, суетясь.
И органно метели звучали,
Пробуждая рассветы для нас.

* * *

Не сложилась семья. Что ж, бывает.
Откровенна насмешка судьбы,
Срок, отпущенный вам, истекает
Без упреков, любви и мольбы.

Не нашли вы своих половинок,
Одиночеством двух — не согреть;
И закрытость душевных поминок:
Отдавая — не значит иметь

* * *

Из света сотканная нить,
Глаза твои — распахнутость колодца.
Учусь с тобою рядом быть,
И за тебя с тобой, увы, бороться.

* * *

В порыве чудного томленья,
Влечен безмерностью страстей,
Даешь ты клятву в исступленье,
Что вечно рядом будешь с ней.

Но дни амурные, вестимо,
Затухнут буднично в делах,
И, всколыхнув, проходит мимо
Листвы осенний мягкий взмах.

Но образ милый вновь искрится,
А свежесть ветра - как весной.
И по ночам опять не спится
От явной знойности такой.

И снова прелести прельщенья,
Слова и клятвы, слез туман ...
Немного лести и смущенья -
Любви причудливый обман.

* * *

Я прежде свободу
и лихость ценил,
Себя никогда
и ни в чем не винил.
Без грусти на поезд
садился тогда,
И даже к тебе
я спешил не всегда.
Так что изменилось?
И что же стряслось?
Здесь берег лазурный
и сочная гроздь.
Здесь яркое солнце
и моря простор,
Чудесные пальмы,
и каменный створ,
Но только из рая,
не веря себе,
Вернуться скорее
хочу я к тебе.

БЕЛЫЙ ТЕПЛОХОД

Вокруг безбрежности просторы,
Полётов чаек легкий стиль.
Дымок у берега узорный,
В лазури небо, легкий штиль.

Такой круиз – исток томленья.
На берегу оставлены дела.
Капризом случая, везенья
Судьба заманчиво свела.

Пропитан воздух новизною –
Наряды Ваши Вам под стать,
Как взмах кудесника рукою -
Со мною рядом Вы опять.

Наверно, это очень лично:
Откуда здесь Вы, почему?
Чудесно всё и необычно...
Вопросы, право, ни к чему.

Шопена вальс звучит игриво,
Обьятъя волн и брызг ночей.
С морскойю гладью чуть лениво
Переплетался свет лучей.

Слова потом и объясненья,
Наш курс по Млечному пути.
Звезда в полете... До свершенья
Под нею нам пора идти.

Вдруг голос рядом. Повернулся:
«Вы что сказали, капитан?»
Секундой позже я проснулся...
Окно, дождинки и диван.

МОЕЙ ЖЕНЕ ЛЮБИМОЙ

Жена поэта – не призванье,
А только рок или судьба,
И без вины здесь наказание,
В твоих глазах – моя мольба.

Капризов дождь и вихрь метаний
Терпела ты одна порой,
Снимала боль без нареканий
Своей безгрешною рукой.

Когда совсем разочарован,
Ночами в кабаках чудил,
Твоим терпеньем очарован,
Не понимал, что был любим.

Свой путь порой не принимая,
Куда, зачем и почему,
В потемках жизненных плутая,
Я к твоему припал плечу.

Твоя улыбка – просто свята,
Ты – озаренье и покой,
И лад потерянный когда-то
В семью пришел на праздник свой.

Прости, родная, прегрешенья,
Слезу в глазах не скроет бровь.
Любовь к тебе, как утешенье,
Сияньем возродилась вновь.

И дети наши — как награда
Всей нашей жизни непростой;
Моя жена — моя отрада,
Опора, счастье и покой.

3. России как в любви признаться?

* * *

России как в любви признаться?
Не можем мы уже молчать.
Не просто быть, а с ней остаться.
Но как поверить и понять?

Столетия знали россияне
Уездов много, но страна одна.
Служил солдат, и сеяли крестьяне,
И чарка в праздники полна.

Но где великие владенья,
И где незыблемость границ?
Страна не примет униженья,
И не к лицу ей падать ниц.

Прости, Россия, поколение,
Умов разврат, стриптиз идей,
Жестокость, явное презренье
И участь разделенности людей.

НА СТЫКЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Дорога льдом блестит, сверкает,
Опасный виден поворот.
Заря в тумане затухает —
Двадцатый век,
Последний год.

Ухабы, кочки и размывы.
Столетий стык... Не сыщешь брод.
Россия... Нервы и нарывы, -
Двадцатый век,
Последний год.

Души излом, обид пороки
И честь отцов — последний лот.
Идей безвременных мороки —
Двадцатый век,
Последний год.

Раздрай, гнетущее безверье.
Тысячелетья первый ход.
Пророков истовых безмерье —
Двадцатый век,
Последний год.

Страну веками сохраняя,
В России русским был народ.
Прощай, себя осознавая,
Двадцатый век,
Последний год.

ИСТОЧНИК

За березками в лесочке
Озорник – ручей,
Среди камушек источник,
Радовал людей.

Все к ручью ходили,
Парами и врозь
И водицу пили,
Где рябины гроздь.

Солнышко ласкало
Шумный ручеек.
Время не меняло
Испокон исток.

Поменялись люди
В наш бездушный век,
Прокуроры, судьи,
Чести просто нет.

Дикость в отношеньи
К людям и к воде,
Совесьть в отрешеньи,
Воровство везде.

Полимеров море
И стекла вагон.
Это просто горе,
Это просто стон.

Чудо – наш источник;
Из последних сил,
Он с водой проточной
Умирал, но жил.

Расцвели цветочки
И журчит ручей,
Сбережем источник
Чистым – для людей.

О СВОБОДНОМ РЫНКЕ

Застывшая российская глубинка,
Заросших пашен чуть заметен след,
Нарядная без повода рябинка,
И на скамейке с самокруткой дед.

Закрыты школа, ясли и больница,
В хозяйстве скотный двор пустой,
Нет пастуха на утренней зарнице,
Луг в тишине, наполненной росой.

На славу были игрища и свадьбы,
Плясали девки кругом под гармонь,
И помнят запустевшие усадьбы,
Что в печках русских был у всех огонь.

Вещает телек про идею:
Свободный рынок – благодать,
Но вот беда: про эту панацею
В деревне нашей некому сказать.

* * *

В Крещенье у церкви — народ православный.
В селах российских, в Москве, Ярославле
Народ разночинный, а больше простой,
Крестителю слава, стоит за водой.

Светла и целебна святая вода
Из всех иорданей, реки и пруда,
Чтоб мыслями, делом стали мы чище,
На это есть воля Господняя свыше.

Страну же очистить не хватит и Волги,
Страну очищать будет трудно и долго
От лжи очумелой, бесстыдства и грязи,
У нас расплодилось всяческой мрази.

Но кто же очистит? Когда же начнет?
Пречистой надеждой поднимет народ?
Доколе он терпит, не верит и пьет?
Когда же в Россию мессия придет?

Стоят пред иконой лампада, свеча,
Вопросы святые. Кому отвечать?
Россия, Россия, Великая Русь!
Начнем же... и с Богом. Я тоже впрягусь.

АФГАНЦЫ

Афганец — это значит круто,
Афганец — это точно свой.
И пусть не кажется кому-то,
Что это прошлого герой.

Война была не просто злая —
Волны жестокости наплыв,
И кровь в горах лилась людская,
Ворота ада приоткрыв.

Но вы сражались — надо было,
Вы защитили честь страны,
И сердце в схватке не остыло
От диких ужасов войны...

Теперь другое поколение,
И пусть идет за годом год
Не отдадим солдат забвенью
Войну, историю, народ.

РУССКАЯ БАНЯ

Баню с веником в деревне
По субботам ждут и чтут.
И обычай этот древний
Сквозь столетья берегут.

Из преданий знаем много,
Хоть историков спроси:
В бане мылись часто, долго
Предки наши на Руси.

А Европа много позже
Научилась чистой быть,
Ей тогда было не гоже
Телеса свои помыть.

Инквизиция в Европе
Враз могла поджечь костер
Для того, кто раньше срока
При помывке спину тер.

Графы, герцоги, маркизы
Дурно пахли без мытья,
И российские сюрпризы
Не давали им житья.

Не понять им: как в морозы
Мы из баньки и в сугроб.
Русь для них — одни вопросы,
И голландцы морщат лоб.

Научились мыться немцы
И испанцы заодно,
Лишь в Зеландии туземцы
Ходят грязными в кино.

В бочках моются японцы,
Фины в саунах, и с ними
Безбородые чухонцы
Измеряют пар в промилле.

В Ганге плавают индийцы,
Австралийцы в океане,
Так же делают бразильцы,
Перуанцы, мавритане.

Банька русская, однако,
Мне на свете всех милее,
Стала символом и знаком,
От нее душа светлеет.

В деревенской русской бане
Я сижу, как царь, и парюсь,
Без чинов здесь и без званий
Духом русским пропитаюсь.

* * *

Я помню полярные ночи,
И снится мне Северный край.
И еду я в отпуск не в Сочи,
А в Мурманск – где, точно, не рай.

Там пеной скалистые строчки
Рисует в порыве волна,
Камнями седыми расставила точки
И скрылась за морем луна.

Я знаю, зачем возвратился.
Нам юности дней не забыть.
Туманом весенним умылся,
Чтоб вспомнить и снова любить.

БЕЛЫЕ НОЧИ ПЕТЕРБУРГА

Проспекты столицы,
 Французский бульвар.
Решеток рисунки –
 Ваятеля дар.
Минуты свидания,
 Город в ночи,
Мостов обаяние –
 И слезы свечи.

Ресницы, чуть дрогнув,
 Закроют узор
Гранитных каналов
 И крепости створ.
Здесь в парках столетних
 И сумрак, и сон,
Бесстрастная память
 На лице времён.

ВЕЧЕРНЯЯ ЯЛТА

В толпе вечерней шумной Ялты
Где свет фонтанов и огней,
Я шел с бутылкою Массандры
Среди мерцаний и теней.

Людское море... лица, лица,
Так много лиц, и нет лица.
Здесь хорошо, но только снится
Мне край берез и дом отца.

Зачем мы едем на Тавриду?
Как греки ищем здесь руно?
И поменяв наш рубль на гривну,
Мы верим, любим, пьем вино.

ЮСУПОВСКИЙ ЗАМОК

Пустынны аллеи,
Фонтан не искрит,
Лишь птицы по парку
Разносят свой крик.

Жемчужина юга,
Мисхора звезда,
Ты помнишь наверно
Другие года.

Как юный Юсупов,
Невесте своей
Дарил хризантемы,
Оставив друзей.

Во имя России
Задумал он здесь:
Собою рискуя,
Убийство, не месть.

На летней террасе
Звучал приговор:
Распутина к смерти —
И вынесем сор.

В кровавые годы
Гражданской войны
Оставлен был замок
Опальной страны.

Окутанный тайной,
Любовь и гранит,
Он дух благородства
Собою хранит.

Свидетели счастья,
Величья и мглы,
Стоят терпеливо
Усталые львы.

* * *

Деревня наша – как начало,
Рождение света и молитв,
Что сердцем щедрым источала,
В края чужие проводив.

Здесь наша церковь и погосты,
А рядом – шумный сенокос.
И сватья в дом приходит просто,
И соблюдают бабы пост.

Здесь март с сугробами и настом,
И речка, что на карте нет,
Июльский зной, дождю подвластный,
И первый для двоих рассвет.

А в летний праздник – хороводы,
Под вечер в святки – ворожба.
Тальянка, сани и зароды,
И с печкой русской изба.

С утра звенят на пожне косы,
Купанье лошадей в обед,
И дед Матвей на все вопросы
С усмешкой тотчас даст ответ.

Но тихо нынче в сенокосы,
На пожне выросли кусты.
Дорог не видно на укосы,
Поля и выгоны пусты.

Хоть много ягод за Угором,
Не слышно больше голосов.
И отчий дом немым укором
Приходит к нам из детских снов.

ВОЛОГОДСКИЕ ДЕРЕВНИ

Холмами вспучена равнина,
В лазури тонут небеса.
В наряде аленьком рябина,
И с позолотою леса.

Амбар, тальянку, хлев, скворечник
Увидеть можно не в кино.
И тает пред иконой свечка,
Как тыщу лет заведено.

Вот на мосту шумят мальчишки,
Потом купаются в реке.
С гусиной кожей шалунишки
Сидят рядком на островке.

Народ учтив и добродушен,
Не любит дурака валять.
И не его вина, что туже
Ремни пора затягивать опять.

А впрочем, люди здесь простые,
Властям им некогда пенять.
Работой, делом занятые,
Умеют верить, могут ждать.

На Вологодчине деревни –
Мои любимые места,
И, истопив в субботу баньку,
Живу – как с чистого листа.

Высокий купол церкви древний,
Сиянье золотом креста,
На Вологодчине деревни –
Мои любимые места.

* * *

Малой родине посвящается

Чудила осень канителью —
Ноябрьской прихоти урок.
Домой приехав на неделю
Знакомый слышу говорок.

Окошек улочки с узором,
Домов с оградой стройный ряд,
Сирень озябла у забора —
Неброский севера наряд.

Ты здесь живешь и как-то мило,
Умеешь все: косить, вязать;
Но взгляд не спрятала стыдливо,
Забрав меня — вдвоем летать.

Ночей открытость, воздыханья,
Наш городок покинул я,
Остановив свое дыханье,
Тепло, надежду и тебя.

И поздним вечером в квартире
Открыв коньяк — всего глоток,
Слеза, как память в грешном мире,
И твой подарок — вышитый платок.

4. Баллады

ИСКУШЕНИЕ

У старой деревни – заросший покос.
С трудом проезжаю: дела, а не кросс.
Плетень и скамейка, сидит старичок,
Да рядом щебечет веселый сверчок.

— Отец, извините, воды бы набрать
И дальше скорее, нельзя мне стоять.
— Погодь торопиться, колодец ведь есть,
Что прадед построил, он рядышком здесь.

Но только не каждый воды наберет,
И будь осторожен, скажу наперед.
Не знаешь, я вижу, ты эти места,
Колодец-то близко, не больно верста.

Как будто не пьяный, шутить ни к чему,
И прямо вопрос задаю я ему:
— Понять, извините, отец, не могу:
Колодец-то есть, так скорей побегу.

— Присядь и послушай, немного скажу
И даже колодец тебе покажу.
Вот с этим ведерком пойдешь за водой —
И мне показал за скамейку рукой.

Бурьян чуть раздвинул — блестит серебро,
Цветов переливы, ведро не ведро:
Ажурный орнамент хранили века,
Лучами сверкают узоры стекла.

— Стеклянным ведерком воды наберешь,
И, если ты полным его донесешь,
Изменишь судьбу подчистую, считай:
Богатство получишь, почти невзначай.

Не в сказке все это и не в кино.
Могу вас заверить: не пил я вино.
Не близка дорога. Наверно, устал,
Но только уверен — тогда я не спал.

А дед, так степенно слова говорит,
Вокруг безмятежность от неба царит.
— Почет заимеешь — уважь старика,
И будет спокойная жизни река.

А если вдруг треснет, иль вдруг разобьешь,
Помру в одночасье — ведро не вернешь.
Меня похоронишь — и дело с концом, —
И к солнышку он повернулся лицом.

— Устал я возиться, поверь старику,
Вот с этим ведрцем на этом веку.
Завещанный предком, он тайну хранит,
Хоть мал по размеру, но тяжесть — гранит.

Уж многие лета его стерегу,
Но время пришло — уберечь не смогу.
Заклятием предков в наследство дано,
И, может, ценнее, чем древним руно.

В роду — я последний, уж нечего ждать,
Но только тому я могу передать,
Кто сможет воды из колодца набрать,
И вечная предкам тогда благодать.

— Простите, дедуля, но я не игрок,
Загадочна тайна и посланный рок,
Но только мне дальше — закончить дела.
И снова дорога меня повела.

Старик и скамейка остались в тени,
И мысль промелькнула — вернись и рискни.
Но только сильнее педаль нажимал,
Мятежную душу, наверно, спасал.

Судьбу береги, как стеклянный сосуд.
Как много осколков: случайно ли бьют.
Я помню колодец, того старика,
А если добавил — лишь только слегка.

СЛАВЯНКА

В далекие годы, забытые ныне,
У теплого моря, в чудесной чужбине
Египта правителем был фараон,
От предков своих унаследовав трон.

Он правил, дарил, воевал и судил,
Законы жрецов, как положено, чтил
И, древних заветов хранитель, знаток,
Удачно походом ходил на восток.

Несметны богатства, достойная рать,
Умел и народу он праздники дать.
Но в царской душе угнездился порок:
Владыка, увы, был безмерно жесток.

И кровь пропитала пустыни песок,
И нет караванов уже на восток.
Повсюду врагов фараон наживал,
А подданных верных в рабов превращал.

Наполнилась стоном большая страна,
И в праздники песня уже не слышна.
Заплакали вдовы, в изгнанье мудрец,
Попали в опалу советник и жрец.

Поля зарастали, неплыли суда,
И Нила темнела с годами вода.
Шатры опустели, разросся бурьян,
Но только хранила судьба египтян:

В лице незнакомки бездонности глаз;
В старинных писаньях лишь несколько фраз:
Она из славянских, заволжских племен,
Свеча и загадка ушедших времен.

Легко и без страха вошла во дворец,
Где арфы молчали и сослан певец.
И вот, восхищенный, застыл фараон:
Разгадан жрецами пророческий сон.

И пышную свадьбу владыка сыграл.
Оттаяв душою, мудрее он стал
И понял, что блага в жестокости нет,
А царская милость живет много лет.

Ему свои ласки дарила славянка,
Добра и разумна была чужестранка,
Внушая супругу беречь свой народ
И всюду сменить милосердием гнет.

Супругу свою как зеницу берег,
Пылинки сдувал, наглядеться не мог.
Обоих связала незримая нить,
И не было силы, чтоб их разлучить.

Великий союз был угоден богам,
Цвела благодать по речным берегам.
Но даже святыня бывает не вечна:
Любовь беззащитна и часто беспечна.

Царица Египта из дальнего края
Любовь берегла и, о детях мечтая,
Молила богов дать ей сына и дочку,
Но ревность слепая поставила точку.

Кинжала удар... и упала царица,
Просила она лишь его помолиться,
Просила народ не оставить в печали,
Чтоб прежние страхи опять не восстали.

– Ты добрый и милый, совсем не жестокий,
Мой путь не окончен, он очень далекий.
Пусть верность любимой тебя сохранит
Во веки веков, как гранит пирамид.

Молился и плакал в ночи фараон.
Что было завещано, выполнил он,
Являя народу любовь и вниманье,
И только в душе оставались стенанья.

И долго народы легенду хранили,
Потом о былом незаметно забыли.
Любовь не исчезнет, любовь не уйдет,
Однажды царица на землю придет.

ПОКОЛЕНИЯ, ИСТОРИЯ, СУДЬБЫ

Все мои деды и прадеды жили в деревне Подольская Никольского района Вологодской области. Деревня основана в конце XVI века предками рода Подольских, в живописной равнине, с трех сторон окруженной руслом реки Шарженъги. В писцовых книгах волостей Устюжского уезда, записи в которую вносил во время переписи 1623-1626 годов писец Никита Вышеславцев (перепись осуществлялась по указу царя Михаила Федоровича Романова), значится: «Деревня Подольская на речке на Шарженъге, а в ней крестьяне: во дворе Харитонко Петров; Тимофей Дорофеев. Пашни паханные ...» Сейчас с уверенностью можно сказать, что жители деревни, которые впоследствии имели фамилию Подольские, являются потомками Тимофея Дорофеева. Фамилии у живших в этом лесном крае наших предков появились позднее, а триста с лишним лет назад к имени сына просто добавляли имя отца: У Дорофея сын Тимофей, у Тимофея Дорофеева сын Фалалей, у Фалалея Тимофеева сыновья Авдей, Дмитрий и Фил, которым была уже присвоена фамилия Подольские.

Название деревни произошло от слова «Подол», что значит низкое место у реки, а фамилию Подольские уже переписчики дали при переписи от названия деревни. Легенда о том, что фамилия Подольские в данном случае была занесена в наши места поляками в 1612-1614 годах во времена Польского похода на Русь, не выдерживает никакой критики. Дело в том, что деревня Подольская

как поселение существует как минимум с конца 16 века и всегда носила название Подольская.

С той поры прошло около четырехсот лет. За этот период в роду нашем были землепашцы, ремесленные и торговые люди, учителя и воины. Составляя Генеалогическое древо рода Подольских, я нашел много интересных фактов о жизни предков и немало занимательных историй. Мой прадед Александр Павлович (1867-1940), овдовев в 1910 году, 30 лет воспитывал один своих детей и внуков (у него было восемь детей), не желая приводить в дом другую жену. Не менее интересна судьба его братьев — Дмитрия и Ивана. Дмитрий Павлович будучи молодым человеком, уехал в Санкт-Петербург, где у него была романтическая история. Достоверно известно лишь одно, что он занимался в Санкт-Петербурге книжной торговлей, но за связь с именитой дворянкой, которая была замужем, вынужден был спешно покинуть тогдашнюю столицу и вернуться в дом родителей. Спустя некоторое время он женился по любви на небогатой девушке Марине из Калинина.

Иван Павлович тоже полюбил небогатую суженую с похожим именем Мария, но отец Ивана - Павел Иванович (1833-1916) не разрешал еще один брак на девушке из бедной семьи, и священник, следуя советам богатого прихожанина, главы уважаемого семейства Павла Ивановича, не венчал молодых и только когда они пришли к нему пешком в церковь двенадцатый раз (а это почти десять километров в одну сторону), с просьбой их обвенчать, провел таки обряд.

Мой дед, Подольский Александр Александрович (1888-1964), уходил по мобилизации на Первую мировую войну в

1914 году, оставив свою молодую жену Аксинью в положении, когда ей оставалось всего ничего до родов. Аксинья родила первенца — Анатолия, то есть моего отца, в ноябре 1914 года. Дед на фронте попал в плен и несколько лет жил в Германии, работая в семье фермера. Писал письма в родную деревню, которые не регулярно, но все таки приходили молодой жене. После поражения Германии от Антанты в Первой мировой войне пленные были отпущены и им была предоставлена возможность вернуться домой. Дед возвращался осенью 1918 года, когда его первому сыну было 4 года. Интересно, что отец в таком возрасте своеобразно запомнил его возвращение. Он хоть и родился в зажиточной семье, но в те годы даже состоятельные крестьяне с детства приучали своих детей к труду. Вот и маленький Толя в этот день, уже в сумерках, плел веревочку и услышал отчетливый стук каблуков человека, поднимающегося по крыльцу. Это возвращался из плена его отец.

Похожая история, но с другим окончанием, произошла и в доме родителей моей мамы. Подольский Павел Григорьевич — брат моей бабушки по материнской линии, был мобилизован в Первую мировую войну. Провожали его три младшие сестры: Клавдия, Анна, Ульяна (моя бабушка) и молодая жена Ираида. Все они, а также родители Павла, жили в большом просторном доме на самом берегу реки. Дом был построен дедом моей матери — Григорием Подольским, в народе называемым «Воробьенковым» за бойкий склад своего отца («быстрый, как воробей»), а соответственно всех членов семьи, детей и внуков стали называть Воробьенковыми. Из детских воспоминаний я могу сказать, что мою маму чаще называли не по фами-

лиц, а просто Маня Воробьенкова. Дом этого семейства, который был построен более ста лет назад, и теперь выглядит добротно и статно. Уходя на войну, Павел просил своих сестер не обижать Ираиду, а уж когда он вернется, то обязательно сделает щедрые подарки своим сестрам.

Но Ираиде, которая тоже родила первенца, когда муж уже был на фронте, не суждено было больше увидеть своего Павлика. Сложил он свою голову в пучине той войны, и семья получила похоронку. Рожденный мальчик вскоре умер, и на семейном совете было решено отправить Ираиду обратно в родительский дом — лишний рот в те годы был обузой. Ираида еще два раза выходила замуж и следующих мужей, которых она, кстати, пережила, звали Павлами. Причем третий, он же последний ее муж, Павлов Павел Павлович был моложе ее на 18 лет. Он погиб в Великую Отечественную войну в 1944 г. В 60-е годы, когда я был школьником, а Ираида Александровна старушкой, она пыталась объяснить мне, что она тоже наша родня. Она прожила 92 года и умерла в 1983 г. Ее сын Николай Павлови, 1932 года рождения, проживает с женой в родной деревне, а внуки и правнуки здесь частые гости.

В годы Гражданской войны жители деревня Подольская не принимали участия в противостоянии красных и белых. По крайней мере документальных или каких-либо других подтверждений участия односельчан в Гражданской войне нет. В большинстве своем они были землепашцами, тружениками с большими семьями. Земли и работы хватало всем, помещиков в нашей округе просто не было, классовой ненависти и борьбы тем более.

Жители деревни Подольская испокон веков отличались

доброжелательностью и приветливостью, были добрыми соседями и помогали друг другу. В конце 20-х, когда началось раскулачивание и последующая коллективизация, в деревню от советской власти была спущена разрядка по раскулачиванию. Илья Александрович Подольский, брат моего деда по отцовской линии, служивший в то время в Красной армии офицером, писал в родительский дом: «Продавайте лошадей и коров. Мужчинам надо уехать в город и работать там. Начинаются лихие времена для крестьянства». Но семья подготовиться к раскулачиванию не успела. Зажиточных крестьян в деревне было не мало, но выбор пал на моего деда — Подольского Александра Александровича, и его семейство перенесло раскулачивание. Скот и лошадей забрали, большой пятистенный дом разобрали и увезли в Степшинский починок, где из него сделали здание школы. Шестистенный дом вывезли в Теребаево, передав его в только что организованную «Коммуну». Но «коммунаки» вскоре разбежались, и здание передали местным властям.

По иронии судьбы, проводить раскулачивание в деревне было поручено моему деду по материнской линии — Павлову Василию Григорьевичу, который в то время работал председателем сельсовета. Он не был уроженцем деревни Подольской, а как тогда называли мужчин, которые жили в доме жены, являлся «приёмком» из соседней деревни Челпаново. Обе семьи были многочисленными: у папы было 9 братьев и сестер, у мамы — 6, и они сохраняли доброжелательные отношения даже в те годы. Моя мама Подольская Мария Васильевна (в девичестве Павлова), 1922 года рождения, была тогда совсем ребенком, но хорошо помнила, что ее мать Ульяна Григорьевна

и тетки, Клавдия Григорьевна и Анна Григорьевна, прятали в своих амбарах имущество семьи раскулачиваемого Александра Александровича, которое приносили им женщины, их подруги из своего дома подвергнувшегося репрессиям. Это были наряды, посуда, самовары и разная утварь. Через несколько недель, когда операция по экспроприации в деревне была закончена, все это конечно, снова тайно, было возвращено раскулаченной семье. Сейчас уже трудно сказать: знали ли об этом главы семейств обоих домов, разведенные по разные стороны баррикад, но женщинам из дома деда по материнской линии надо отдать должное. Это была далеко не безопасная помощь: укрывать имущество раскулачиваемых по законам того времени было чревато высылкой или даже тюрьмой. Дед Александр Александрович и отец мой Анатолий Александрович (тогда еще 14 летний юноша) вынуждены были одно время скрываться, в противном случае их ждал арест и высылка. Дед впоследствии вернулся в деревню, а отец жил в Мурманске, ходил в море, ловил рыбу, затем был призван в армию и во время Великой отечественной войны служил матросом на военных кораблях.

Раскулачивание проводилось не только в доме моего деда. Экспроприации подверглись также Подольский Андрей Константинович и Подольский Сергей. Кроме того, что они были зажиточными крестьянами, они открыто признавали бога и устраивали молебны в доме Сергея. Опрошка, жена Сергея, в девичестве любила одного из братьев Морозовых (Морозовы были самыми богатыми людьми в округе и жили в Теребаево), но в связи с большой социальной разницей Морозов не мог на ней жениться, и она вышла замуж за Сергея. Детей у них не было, но была

прислуга или, как называли в то время, — приживалка, по имени Огашка. Когда пришли арестовывать Андрея и Сергея, Опрошка успела убежать. Арестованных повели в Никольск, во время ареста и по дороге в районный центр Андрей все молчал, а Сергей ругал советскую власть, грозил божьей карой и проклятьями. Когда их доставили в Никольск, Сергея в тот же день расстреляли. Как расстреливали людей видела одна из молодых девушек из нашей деревни — Августья, 1913 года рождения, которая впоследствии и рассказала как людей ставили у края оврага и расстреливали. Пятистенный дом у Сергея увезли в Калинин, а избу поменьше оставили прислуге Огашке. Опрошка скрывалась, но тайно приезжала неоднократно в деревню. Андрей Константинович Подольский был сослан и через несколько лет умер в ссылке. У него было пять детей: Анна, Федор, Феклисыя, Андрей, Настасья. Впоследствии Андрей Константинович был реабилитирован и его дочь Настасья Андреевна, 1922 года рождения, даже получила за него компенсацию.

15 августа 1943 года в Подольской случилась беда — большой пожар, который испепелил 22 дома со всеми хозяйственными постройками. Причина — 16-летний Алексей Дормидонков курил на повети и оставил тлеющую чагу. Но деревня отстроилась заново. До сих пор отличаются сохранившиеся от пожара дома — это крепкие, просторные пятистенки с мезонинами.

Перед Великой отечественной войной отец мой ходил в море на рыболовных судах, а с началом войны его мобилизовали в Военно-морской флот.

За 4 года войны он неоднократно принимал участие в морских сражениях и сопровождал караваны союзников

до главного северного порта страны — Мурманска, в качестве рулевого, имел правительственные награды. Отец часто вспоминал те годы и, рассказывая о войне без прикрас, со слезами на глазах говорил, что иногда десятки и сотни молодых матросов с наших кораблей и кораблей союзников во время налётов немецких штурмовиков и атак подводных лодок гибли в морской пучине, и часто им невозможно было помочь. Сам отец неоднократно тонул, но ему повезло, и его поднимали на борт других судов. Он всегда говорил, что это самые жуткие воспоминания: как с полыхающего корабля люди бросаются в море, зачастую без спасательных кругов, но в холодной воде Баренцева моря более получаса продержаться наплаву невозможно.

Отец рассказывал, что когда корабли находились в порту, личный состав иногда отпускали на берег (в увольнительную). Однажды, когда отец во время такой увольнительной шел по городу к своей знакомой девушке, началась бомбардировка с немецких самолетов. Вой сирен заставил отца прижаться вплотную к стене дома, но, непонятно почему, он неожиданно решил перебежать открытую улицу на другую сторону, и как только он забежал под какую-то арку, стена дома, у которой он стоял несколько секунд назад, от прямого попадания бомбы развалилась на глазах отца. Его оглушило, но он сумел благополучно продолжить свой путь по окончании воздушной тревоги. Предвоенный Мурманск был в большинстве своем деревянным, и за время войны многие здания сгорели дотла. После войны он был отстроен практически заново и стал красивым современным городом.

День победы отец встречал на своем корабле в порту,

где были сотни кораблей, и небо озарилось ярким светом на несколько часов - это весь Северный военно-морской флот салютовал в честь победы.

В конце 1945 года отец был демобилизован и приехал на побывку в родные места, где встретил мою маму. Он знал её маленькой девочкой, а вернувшись в деревню, увидел красивую молодую девушку.

По рассказам мамы, когда отец вернулся из Мурманска, она сразу «положила глаз» на стройного красавца моряка, и уже не отпустила его в город. В январе 1946 года они поженились и, несмотря на то, что у их родителей с обеих сторон были большие дома (при раскулачивании семье деда был оставлен один дом), молодая семья начала совместную жизнь в погребке, который отец приспособил под жильё. Уже через год они срубили новый дом. Мама тоже считается участницей Великой отечественной войны, так как её, молоденькой девчушкой, посылали рыть окопы и валить лес для военных целей, в основном для артиллерии. Девушек из деревень забирали партиями посменно. Мамина смена была почти шесть месяцев: на работы увезли в декабре, а домой отпустили на Пасху. Они жили в бараках и питались впроголодь, рацион в столовой был очень скудный. Председатель колхоза Сергей Иванович послал ей посылку с ячневой крупой, по тем временам это была большая радость для мамы и ее подруг. Рядом с бараками срубили баню, но вода в тех местах была болотистая с красноватым оттенком, поэтому славянским девушкам, привыкшим к чистоте и опрятности, было не просто. Лес валили, используя обычные ручные пилы и топоры. Происходили и несчастные случаи с людьми и лошадьми, которые использовались для

трелевки леса. Перед пасхой маму и еще четырех девушек после окончания смены отпустили домой. Девушки так торопились домой, что даже не стали ждать выдачи им соответствующих документов, дающих право на получение продовольственных пайков на дорогу. Так и шли, перебиваясь тем, что иногда их кормили картошкой и хлебом сердобольные деревенские женщины в деревнях, по дороге домой. До Шарьи они добрались на попутном транспорте, а от Шарьи шли пешком. Это без малого двести километров. Спустя многие годы, когда была построена современная широкая асфальтовая дорога Шарья-Никольск, мама неоднократно ездила со мной на машине из Йошкар-Олы в свою деревню по этой трассе и всегда снова и снова рассказывала про те дни, когда они, молодые девушки, весной, голодные, но счастливые, возвращались домой.

Во время Великой отечественной войны деревня Подольская проводила на фронт 36 человек, 23 из них остались на полях сражений. На войне погиб Илья Александрович, дядя отца, тот самый, который предупреждал о раскулачивании. Погиб в 1942 году и отец мамы Павлов Василий Григорьевич. По рассказам мамы с войны он писал домой очень душевные письма: «Смотрю по утрам на восток и как будто вижу нашу родную деревню в легкой дымке горизонта, и словно слышу голоса жены моей любимой и детей моих малых». Его жена Ульяна осталась с шестью детьми, старшей из которых была мама, а младшему Юре было всего три года. Когда дети подросли, а мама вышла замуж, все ее братья и сестры уехали в Мурманск. Этот город и для меня стал близок. После окончания школы я учился там на первом курсе Мурманского

государственного педагогического института и с той поры храню о нем добрую память. В послевоенные годы служили в армии все младшие братья отца и младшие братья мамы. После свадьбы отец и мама прожили долгую совместную жизнь - 55 лет они жили вместе, вырастили четверых детей и помогали воспитывать внуков. Кроме работы в колхозе они вели приусадебное хозяйство, имели огород и домашних животных: корову, овец, поросят, кур. В 1965 году семья уезжала в Целиноградскую область — поднимать целину, но мама очень скучала по родным местам, и мы вернулись на Вологодчину.

В наших семьях и в семьях наших односельчан никогда не стоял вопрос служить или не служить в Армии. Мы служили все. После окончания института я был призван в ракетные войска Забайкальского военного округа. Мои сыновья, Александр и Игорь, после окончания ВУЗа в положенные сроки служили в вооруженных силах, и я надеюсь, что эта традиция будет продолжена. Отец скончался в 2000 году, на восемьдесят шестом году жизни. Мама последние годы жила с нами в Йошкар-Оле и радовала меня и мою семью своими рассказами о далеком и недалеком прошлом, всегда ждала известий от внуков своих и правнуков, которые живут в разных городах. Мама умерла 06.03.2012г. на девяностом году жизни и похоронена рядом с мужем на кладбище около Старогеоргиевской церкви Никольского района Вологодской области.

Вечная им память.

Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ,
Никольск — Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ..... 3

1. ЗА БЕРЕЗНИКОМ В СИНЕЙ ЛАЗУРИ

Никольску.....	6
Дядя Проскурий.....	8
Мама у окошка.....	9
«Мой сосед в деревне...».....	11
У церкви.....	13
Свадьба.....	14
«Уходят дочери от нас...».....	16
Во сне и наяву.....	17
В Париже непогода.....	19
Никольские девчонки.....	21
«Круг снова. снова круг за кругом...».....	22
Пасха.....	23
«Природа ошалела от жары...».....	24
Бабье лето.....	25
Звезды и люди.....	26
Пирамида.....	27
«Золотистый край рассвета...».....	28
Весна.....	29
Апрель.....	30
Июль.....	31
Август.....	32
Осень.....	33
«Закат купает неба нить...».....	34
«На дворе без снега стужа...».....	35

Зимняя деревня.....	36
Письмо из деревни.....	38
Ожидание.....	40
На озере Карась.....	41
Аргамач.....	42
Каблучки.....	44
Дочери моей.....	45
Однокурсницам.....	46
Музе Вячеславовне Бересневой.....	47
«В лагере детском по систем дорожкам...».....	48
«Скажи земляк, в деревне как живется?..».....	50
У южного моря.....	51
«Мы сами выбираем роли...».....	52
Маме.....	54
Светлой памяти отца.....	55
Ангел мой, хранитель.....	57

2. ЗОРЬ ВЕЧЕРНИХ – СНЫ РОСЫ

У камина.....	58
Субботний вечер.....	59
«Вновь не разжечь костёр потухший...».....	60
«Из мира ученого дама...».....	61
«Ты так смела, неоднозначна...».....	62
«Строгий шарм и талия-тростинка...».....	63
«Не жди уместных фраз, признаний...».....	64
«Благодари любовь, когда прощаясь...».....	65
«Движеньем с музыкой сливаясь...».....	66
«Были знак и пророчество...».....	67
Вальс.....	68
Обида.....	69
«В безлюдье холодов наплывших...».....	70

Обман.....	71
«Я тебя обожал, я тебя убажрал...».....	72
«Угораздило влюбиться...».....	73
«Не дарил я тебе слов-признаний...».....	74
«Я тебя рисовал в светло-ярких тонах...».....	75
«Роман случайный. Знаю, знаю...»	76
Расставанье.....	77
«Мы оба притворяемся, что любим...».....	78
«Навсегда мы расстаться не можем...».....	79
«Все пройдет»... Известно это...».....	80
«Убивали любовь, убивали в четыре руки...».....	81
Непризнание.....	82
«Я вернул, что уже уходило...».....	83
Встречая новый век.....	84
Песенка ди-джея.....	85
Женщина — судьба.....	87
«Я вернулся живой...».....	88
«Чисты, как снег, все Ваши чувства...».....	89
«Мне в себе не дано разобраться...».....	90
«В моих глазах — одна усталость...».....	91
«Мой путь в исканьях и метаньях...».....	92
«Где-то близко, просто рядом...».....	93
«В этот день такой обычный...».....	94
«Утонул я в глазах с поволокой...».....	95
«Не сложилась семья...».....	96
«Из света сотканная нить...».....	97
«В порыве чудного томленья...».....	98
«Я прежде свободу и лихость ценил...».....	99
Белый теплоход.....	100
Моей жене любимой.....	102

3. РОССИИ КАК В ЛЮБВИ ПРИЗНАТЬСЯ?	
« <i>России как в любви признаться?..</i> ».....	104
На стыке тысячелетий.....	105
Источник.....	106
О свободном рынке.....	108
« <i>В Крещение у церкви - народ православный...</i> ».....	109
Афганцы.....	110
Русская баня.....	111
« <i>Я помню полярные ночи...</i> ».....	113
Белые ночи Петербурга.....	114
Вечерняя Ялта.....	115
Юсуповский замок.....	116
« <i>Деревня наша – как начало...</i> ».....	118
Вологодские деревни.....	120
« <i>Чудила осень канителью...</i> ».....	122
4. БАЛЛАДЫ	
Искушение.....	123
Славянка.....	126
ПОКОЛЕНИЯ, ИСТОРИЯ, СУДЬБЫ.....	129

Современная русская поэзия

Анатолий Анатольевич Подольский

И сохрани, не отрекаясь
Стихотворения и баллады

Редактор Н.И. Дорошенко
Технический редактор Е.И. Косырева

Подп. в печать 01.10.2012 г. Формат 70x100 ¹/₃₂
Бумага офсет №1. Гарнитура Newton С.
Печать офсетная. Печ. л.: 4,5
Тираж 1000 экз. Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом «Российский писатель»
119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13
тел.8-962-965-51-64, факс: +7(499)246-53-11.
sp@rospisatel.ru www.rospisatel.ru

ISBN 978-5-91642-029-6

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного издательством
электронного оригинал-макета
в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы,
пер. Богунского полка, 4а
тел.: 8(48336) 4-24-56; 4-04-18; 4-35-89.